

**МИШКА
КОЛОБОК
В ЦИРКЕ**

Миша

МИШКА КОЛОБОК
В ЦИРКЕ

ИРЖИ ТРНКА
ИОСИФ МЕНЗЕЛ

МИШКА КОЛОБОК В ЦИРКЕ

Текст Иосифа Мензела

Рисунки Иржи Тринки

Перевод с чешского Николая Дрейера

Стилистическая обработка Л. А. Голембы

Издательство АРТИА Прага

Отпечатано в Чехословакии

(S 516)

I. На разведке

На краю леса, около песчаного откоса, стоит вагончик бродячего цирка. Хозяева его, наверное, не слишком богаты. Вагончик очень маленький: ляжешь в нем вздремнуть, а ноги торчат наружу. Зеленая краска вагончика поблекла и облупилась.

Тишина. Под лучами апрельского солнца только мухи да комары жужжат. Из вагончика доносятся какие-то вздохи и царапанье, словно собака или кошка скребется в закрытую дверь. Но это совсем не собака и не кошка. Если бы вы заглянули в окошко вагончика, то увидели бы там рыжего человека. Он сидел на опрокинутом вверх дном чугунном котелке, положив на большой турецкий барабан кусок оберточной бумаги, и старательно выводил на нем какие-то каракули. Как видно, писать для него — непривычная работа. Со лба каплют на бумагу крупные капли пота и вместе с кляксами образуют живописный узор вокруг каракуль.

Но вот к окошку прижался черный носик, показались веселые блестящие глазки и мохнатая голова. Это был маленький медвежонок. Но он не испугался человека, а наоборот, заворчал еще громче, как будто звал его. И правда, если бы вы понимали медвежий язык, то услышали бы, как он зовет: «Дядя Василь!»

Человек не слышал; он был так поглощен работой, что не обращал ни на кого внимания. Медвежонок снова позвал: «Дядя Василь!»

На этот раз человек его услышал. Не отрываясь от работы, он недовольно спросил: «Ну, чего тебе надо?»

Медвежонок жалобно заскулил: «Дяденька Василь, позволь мне, пожалуйста, на минутку в деревню сбегать.»

«Спросись у матери! – проворчал Василь. – И не приставай ко мне, видишь, у меня работы по горло.»

Мама медвежонок была старая добрая медведица Барбора. Медвежонок звали Мишка-Колобок. А дядюшка Василь был их хозяином, владельцем вагончика и директором всего этого маленького цирка.

Мишка отскочил от окошка и проворчал себе под нос: «Вот еще — спросись у матери! Она наверняка не позволит. Да и как я у нее спрошусь, если она спит! А мне так хочется посмотреть, что делается в деревне! Может быть я найду там кусок хлеба, да еще с медом или маслом, а то и молочко в кошачьей миске.»

Мишка на минуту задумался и, наконец, решил: «Но ведь Василь сказал мне, чтобы я только спросился у мамы, а вовсе не ждал ее ответа. А за спрос, как говорится, денег не берут.»

И он тихонечко перебежал на другую сторону вагончика. Там на солнышке спала старая медведица. Стараясь не подходить особенно близко к маме, чтобы не разбудить медведицу, Мишка еле слышно прошептал: «Мамочка, позволь мне на минутку сбегать в деревню.»

Медведица ничего не ответила, сладко зевнула, отмахнулась лапой от мухи, повернулась на другой бок и снова захрапела во все горло.

Этот мамин жест Мишка истолковал по-своему и со спокойной совестью побежал на опушку, откуда он только что смотрел на деревушку.

Деревушка, лежавшая совсем близко – рукой подать – казалось спала. Ее белые хатки под черными и красными крышами были залиты солнцем, и вся она утопала в зелени садов и огородов.

Мишка помчался по дороге вдоль речки. В полном восторге он мурлыкал себе под нос песенку.

Но что это? В траве что-то блеснуло. Под вербой, у речки валялся брошенный кем-то карманный ножик. «Это, наверное, ребята тут вербочки срезали, вот нож и обронили. А ну-ка, иди сюда, ножичек!»

Залез Мишка на вербу и срезал длинный ровный прут. Потом уселся поудобнее на ветках, отрезал от прутика кусок и стал мастерить дудку, напевая:

«Прошу тебя, дудочка,
сыграй ты мне чуточку!
Не послушаешь меня, -

маме отнесу тебя,
она тебя забросит
на Зеленую гору.»

Мишка несколько не огорчился, что песенка вышла такая нескладная.

А Зеленая горка, про которую пел Мишка, была его родиной; там в лесу он родился, там он и старая медведица впервые встретились с Василем. А потом все втроем отправились бродить по белу свету.

Вырезал Мишка дудку и, весело наигрывая песенку за песенкой, отправился в деревню.

Когда он подошел к деревне поближе, то решил: «Ну, хватит, а то еще услышит какой-нибудь Султан или Полкан, да и порвет мою шубу. Как здесь хорошо! Тихо! А что это там стоит возле беленькой хаты? Ага, это кисть, которой хату покрасили к празднику. А вот и краска в горшочке! Ой! Что я придумал! То-то Василь и мама обрадуются!»

Мишка схватил кисть, обмакнул ее в красную краску и намалевал на хате огромными буквами:

«СМАТРИТЕ ЗАФТРА ЦЫРК!»

Потом отступил на шаг, полюбовался своей работой и похвалил сам себя: «Ай да молодец Мишка!»

И в ту же минуту вздрогнул от испуга, кисть у него упала и, чуть не споткнувшись о нее, он пустился наутек. Дело в том, что со двора пулей вылетела огромная собака с оскаленной пастью и пустилась за ним вслед.

К мишкиному счастью под ноги собаке попала кисть, собака налетела на нее и, два раза перекувырнувшись в воздухе, шлепнулась на землю.

А Мишка уже был далеко около леса, где чувствовал себя в безопасности.

Подкрался осторожно к вагончику и облегченно вздохнул: «Уф! Ну теперь все в порядке! Мама еще спит, Василь рисует. А все-таки я молодчина! Вот посмотрите - завтра цирк будет битком набит!»

Потом свернулся клубочком под боком у мамы и, довольный собой, крепко заснул. Мишке приснилось, что он выступает в большом цирке и что публика смеется и хлопает ему.

II. Бой быков

В этот же день вечером Мишка вертелся вокруг вагончика как резвый щенок, распоряжался, во все совал свой нос, не давал никому покоя, так что у Василия и медведицы голова пошла кругом. Медвежонок устроил небольшое, но внушительное шествие: «Впереди пойду я, за мною ты, мама, а дядя Василь последним. Не забудь, мамочка - ты должна идти все время на задних лапах. Ты взяла трубу? И вот еще понесешь клей.» С этими словами Мишка сунул ей горшочек, к двум ушкам которого была привязана веревочка. «А ты, дядя Василь, возьми медные тарелки! Посмотри, как я их тебе начистил! Афишу не забыл?»

Ну, афишу Василь, конечно, не забыл. Он бережно держал ее в руках. Я вижу, вы уже догадались, что как раз над этой афишей он так долго трудился утром.

«Ну вот! А я понесу барабан, палочки и кисть.»

Барабан висел у него на шее, закрывая все его белое брюшко. Шествие началось. Мишка бил в барабан, распевая во все горло:

«Барабан громко бьет,
в цирк он пуб'лику зовет.
Приходите, и смотрите,
и детишек приводите!

В своей жизни не видали
и увидите едва ли
то, что мы представим вам! . . .
Бум-бум-бум-трам-тарарам!»

Вокруг шествия сразу же собралась целая толпа деревенских мальчишек, девчонок и взрослых. Наши артисты, ни на кого не глядя, торжественно промаршировали прямо к деревенской площади. Мишка бил в барабан и распевал:

«Можно вволю посмеяться,
поглядеть, поразвлекаться:
Мишка спляшет трепака -
не жалейте пятака!

Всем, кто скажет - «Не занятно!»
мы пятак вернем обратно.
Обещаем это вам!
Бум-бум-бум-трам-тарарам!»

На площади висела большая черная доска для всяких объявлений. Мишка шепнул маме и Василию: «Вот здесь.» Василь хотел взять у него кисть. «Нет, нет, я сам,» решительно заявил Мишка. Он обмакнул кисть в клей и прилепил афишу на доску, закрыв все остальные объявления. Затем он громко прочитал удивленной толпе то, что было написано на афише:

ТОЛЬКО ОДНО ПРИСТАВЛЕНИЕ!
ЗНАМЕНИТЫЙ УКРАТИТЕЛЬ ВАСИЛЬ
С ЕГО МИДВЕДЯМИ
И ДРУГИМИ ДИКИМИ ЗВЕРЯМИ
С НИЖАЙШИМ ПОЧТЕНИЕМ
ВАСИЛЬ ДИРЕКТОР ЦИРКА
И ЗНАМЕНИТЫЙ МИДВЕЖАТНИК

Потом Мишка скомандовал: «Раз, два!», забил в барабан, медведица затрубила, а Василь ударил в тарелки. «Бум-бум-бум!» раздавалось на всю деревню. Это было в воскресенье. И крестьяне, которые отдыхали после праздничного обеда, посылали на головы артистов страшные проклятия. Медведица и Василь воткнули в землю колышки, соединили их веревкой - и арена была готова.

Мишка что-то мастерил за вагончиком, напевая песенку. Но медведице и Василию было не до песен.
 «Почему вы такие не веселые? – спросил их Мишка, выскочив из-за вагончика. – Неужели робеете?»

Василь что-то проворчал, а медведица угрюмо буркнула: «Не робеем, а боимся.»

«Боитесь? Чего же вы боитесь?»

«По правде говоря, гнилой картошки и тухлых яиц. Каждый раз после представления нас забрасывают этой гадостью. А все потому, что ты лентяй и лодырь и не хочешь научиться каким-нибудь смешным и интересным фокусам.»

Мишка ничего не ответил, молча взял тарелку и отправился собирать плату со зрителей. Послышалось звяканье монет.

Василь торжественно поднялся на лесенку и заорал так, что все вздрогнули:

«Уважаемая публика! Первым номером нашей выдающейся программы выступит молодой бенгальский медведь. Вы сможете убедиться в его невероятной силе при перетягивании каната. За один конец каната будет держать он, а за другой могут тянуть все зрители.»

У каната собралась целая толпа. Все пыхтели, упирались в землю ногами, канат натянулся как струнка, а Мишка, словно в насмешку над всеми, подбоченился левой лапой и держался за канат одной только правой.

Но вдруг канат раз - и ослабел, и все мишкины соперники полетели на землю. Когда зрители пришли в себя от удивления, то увидели Мишку на земле. Он был засыпан досками забора, а сверху торчал колышек с привязанным к нему концом каната. Тут сразу все поняли, что не Мишка держал за канат, а канат был привязан к забору, который рухнул под напором всех мишкиных соперников.

Василь поспешил объявить второй номер: таинственное исчезновение медведя на глазах у почтенной публики. Но и этот номер не удался.

Насмешки зрителей становились все громче и заставили Василя поспешить с объявлением третьего номера. Это был гвоздь всей программы - настоящий андалузский бой быков.

Василь вошел в вагончик и через минуту вернулся с красным платком, перекинутым через руку, и с жестяным мечом. Стал он размахивать перед носом «быка» красным платком и жестяным мечом, да так неосторожно, что сразу же сбил с него маску, а из-под маски показалась растерянная морда старой медведицы.

Мишка первый сообразил, что дело плохо, крикнул: «Бежим!», и бросился со всех ног наутек.

И здесь зрители не выдержали. Все бросились к незадачливым артистам, размахивая кулаками и палками. А те, позабыв о своем вагончике, обратились в бегство. Все же на долю Мишки пришлось несколько гнилых картошек, медведицу кто-то ударил подойником по голове, и у нее вскочила шишка, а у Василя на лбу великолепная красная кастрюля оставила великолепный синяк.

III. Игра в жмурки

Мишка бежал впереди. Ноги у него были быстрые, да и страшно ему - сзади лают собаки. Отстали медведица с Василием от Мишки, а всё бегут за ним, боятся потерять из вида. Возмущенные зрители уже давно перестали преследовать артистов, а Мишка все бежит и бежит...

Так бежали они не разбирая дороги, пока, наконец, Мишка не увидел огоньки большого города. Уже вечерело, когда они добрались до первых домов. Мишка увидел перед собой какие-то ограды, вагончики и палатки, но в темноте не разобрал, что это такое.

Долго он бежал вдоль ограды, и вдруг увидел какой-то вход. Юркнул Мишка туда и побежал что есть силы по какой-то улочке, между досок, полотнищ и решеток. Потом вдруг сразу стало темно. Прыжок - другой, и он зажмурился от яркого света.

Когда он открыл глаза, то увидел над собой голову какого-то незнакомого зверя. Зверь был похож на гигантскую кошку, но на шее и на спине у него была косматая грива. Вы уже конечно догадались, что это был лев, но Мишка львов никогда в жизни не видел.

Здесь же были еще три точно таких же зверя и ещё два других, тоже похожих на кошку, но полосатых и с большими усами. Ну, конечно, вы угадали: это были тигры.

Со всех сторон звери были окружены высокой круглой решеткой, а за решеткой на скамейках, друг за другом, как в школе, сидело много-много людей.

Не успел Мишка опомниться, как за ним влетели медведица с Василием и тоже застыли от изумления.

Молодой бенгальский медведь и «андалузский бык» – медведица – и «знаменитый укротитель» Василь – все они видели настоящий цирк первый раз в жизни и никак не могли понять, что это значит.

На медведице и Василе все еще красовались наряды, которые они одели для «боя быков», и зрители подумали, что это новый веселый номер программы. Но львы и тигры удивились, а самый большой лев спросил у медведицы:

«Что вы здесь собираетесь делать? Вы умеете прыгать через обруч?»

Медведица покачала головой.

«А через огонь? Танцевать кадрили? Делать пирамиду?»

Но медведица только качала головой.

«Так что же вы, собственно говоря, умеете? Что вы собираетесь делать в цирке?»

Барбора, Василь и Мишка вытаращили от удивления глаза: «Так это цирк?»

Лев задумчиво почесал в затылке и сказал: «Так что же с вами делать, если вы ничего не умеете? Не в жмурки же с вами играть!»

Мишка даже подскочил от радости: «В жмурки мы умеем играть! Давайте считаться!» И, не дожидаясь согласия, начал: «Раз, два, три, четыре . . .»

Добряк лев подхватил считалку: «Жили мошки на квартире.»

А другой лев добавил: «К ним повадился сам друг . . .»

Тут его перебил тигр: «Крестовик – большой паук.»

В игру вступил второй тигр: «Пять, шесть, семь, восемь . . .»

Тут и Василь осмелел: «Паука мы попросим . . .»

Но Мишке уже не терпелось начать игру, и он быстро закончил:

«Ты, обжора, не ходи. Ну-ка, ты теперь води.»

Считалка закончилась на старом льве. Мишка выхватил у Василя красный платок и быстренько завязал глаза льву, потом схватил старика за гриву и повел его по арене. Лев удивленно спросил: «Куда ты меня ведешь?» – «В уголок!»

Лев все еще не понимал: «А что в уголке?» – «Клубок.»

Тут лев вспомнил, что этими словами начинается игра в жмурки и послушно продолжал:

«А что в том клубке?» – «Змеи – лови же нас скорее!»

Лев быстро протянул лапу к Мишке, но тот со смехом увернулся, отбежал в сторону и закричал: «Я здесь!» Лев побежал на его голос. Публике понравилась такая игра. Зрители стали кричать льву: «Обернись! Обернись!» Но раньше, чем лев успел повернуться, Мишка был уже далеко. Понравилась игра и остальным львам и тиграм.

И тут старому льву попался Василь, который как столб стоял посреди арены. Лев сорвал с глаз платок, и пришла очередь водить Василю. Тот покрутился разок-другой по арене, и наткнулся на тигра: тигр бешено заметался по арене, потом услышал мишкин визг и стал бегать только за ним. Испугался Мишка и вскарабкался по прутьям на самый верх решетки.

Там в безопасности он стал снова дразнить тигра: «Я здесь! Я здесь!»

Тигр встал на задние лапы и чуть было не схватил Мишку, но Колобок перебрался по прутьям в сторону, и снова закричал: «Я здесь! Я здесь!»

Услышал тигр смех публики и разозлился. Он сделал отчаянный прыжок, навалился всей своей тяжестью на решетку, и она вместе с Мишкой рухнула в публику. Мишка отлетел в оркестр, попал головой в барабан, пробил его да так там и застрял. Поэтому он не видел, как в панике бежала публика из цирка, испугавшись вырвавшихся на волю зверей.

Но звери совершенно спокойно сидели на своих местах и с интересом наблюдали за поднявшейся суматохой. А Василь и медведица во всем этом шуме и гаме так ничего и не поняли.

Вскоре цирк совсем опустел. Тогда откуда-то из-под скамеек появилась дрессированная утка, запряженная в маленькую колясочку. Она вперевалку заковыляла к выходу, а Мишка как раз вытащил голову из барабана, спрыгнул из оркестра прямо в колясочку и торжественно проследовал в свои новые владения: к дрессированным зверям.

IV. Прекрасное видение

Проснулся на другой день рано утром Мишка в каком-то вагончике и очень удивился. Это совсем не вагончик Василя: большой, а на полу ничего нет кроме соломы, и на соломе спят разные звери. Была здесь и та самая утка, которая вчера прокатила Мишку на тележке. Увидел медвежонок утку, и сразу вспомнил, что попал в настоящий, большой цирк.

За стеной кто-то жалобно повизгивал.

Мишку это заинтересовало, и он выбрался из вагончика. Оказалось, что в соседнем вагончике, у которого вместо одной стены была решетка, бегают и скулят большой, похожий на тигра, но совершенно черный зверь. Это была черная пантера, ее звали Гурра.

Пантера бегала вдоль решетки, хваталась за нее передними лапами и урчала: «Гурра-у, гурра-у, гурра-у.»

Мишка прислушался и понял, что Гурра тоскует по какой-то далекой стране, которую она называла Суматра: «Ах, где мои леса, где настоящее солнце, где прохладные родники! Где мои маленькие, пестрые птички, где большие бабочки! О, как злы люди, как они злы, и как добры черные пантеры. Как хорошо было играть в ветвях у огромной реки! Как чудесно бояться днем змей, а ночью луны, плавать на бревне вниз по реке и падать в стремнину водопада!»

Мишке стало жалко Гурру. Он пролез между прутьев и хотел ее погладить, но Гурра даже и не по-

смотрела на него. Тогда медвежонок отошел в сторону и увидел вокруг столько необычных и интересных вещей, что сразу же забыл о Гурре.

Много зверей и пестро одетых людей входило в большую палатку. Мишка пошел за ними. На арене царило оживление, но места для зрителей были пусты. Группа акробатов репетировала сложную пирамиду. Руководил ими седой араб небольшого роста, но Мишке показалось, что кроме араба командует еще кто-то. Вверху, под самым куполом цирка, слышался чей-то резкий, скрипучий голос, кто-то сердился, то ворчал, то ругался. Мишка полез наверх, чтобы узнать, что это за голос, и среди балок и канатов увидел сидящего на трапеции попугая. Перья у него были тусклые, словно они полиняли. Наверное попугай был уже очень стар. В когтях он держал какую-то трубку, которую он подносил все время не к клюву, а к ушам.

Мишка вскарабкался к попугаю и вежливо сказал: «Доброе утро!» Попугай не ответил. Мишка взобрался еще выше и снова поздоровался. Попугай приложил трубку к уху и проворчал: «Чего тебе?»

Мишка понял, что попугай от старости плохо слышит, и почти прокричал: «Доброе утро! Мое вам почтение!»

Попугай рассердился еще больше: «Не вижу я тут никакого умения! Что ты, молокосос, понимаешь? Разве так работают настоящие артисты?»

Мишка из приличия громко спросил: «Вам уже наверное много лет?»

Попугай опять недружелюбно проворчал: «Какой обед? Ведь еще очень рано.»

Тут Мишка заорал прямо в трубку, которую попугай приложил к уху (вы уже, конечно, догадались, что это был слуховой рожок): «Наверное, вы уже очень старенький.»

Попугай любезно улыбнулся. Он любил, когда интересовались его возрастом, которым он гордился. «Что правда, то правда. Ты только подумай - семьдесят семь!! Можешь называть меня маэстро. Так меня называют те, кому я это разрешаю.»

Мишка был разочарован. До такого возраста доживают и люди. А слоны и черепахи живут еще дольше. Для верности он переспросил в слуховой

рожок: «Вам семьдесят семь лет?» Попугай рассердился: «Что за глупости! В этом возрасте я был еще юношей! Я пережил семьдесят семь цирков!» Мишка недоуменно посмотрел на него, а маэстро

снисходительно пояснил: «Сейчас я руковожу семьдесят седьмым цирком. Семьдесят шесть цирков я уже пережил, не сомневаюсь, что переживу и этот, семьдесят седьмой, переживу наверняка и семьдесят восьмой.»

Но Мишка его уже не слушал. Он не мог оторвать глаз от арены. Там на прекрасном, сером в яблоках коне скакала наездница. У Мишки сильнее забилося сердце - так она была прекрасна. Девушка показалась ему неземным созданием,

Мишка оставил попугая и слез вниз, чтобы быть поближе к этой красавице. Все, решительно все было очаровательно в этой девушке: и золотистые вьющиеся волосы, и темно-синие

глаза, и серебристая коротенькая юбочка, и ярко красные сапожки. Она соскочила на арену, снова вскочила на своего коня, и все это на ходу, стоя без седла на спине коня, словно у нее были крылья. Конь наверное очень любил свою хозяйку, потому что он без единого приказания, без шпор и хлыста, слушался простого мановения ее руки, танцевал, маршировал в такт музыке, поворачивался, опускался на колени, низко склонял голову в поклоне.

Когда наездница покинула палатку, Мишка выбежал вслед за ней. Красавица соскочила с коня, подала уздечку конюху и вошла в свой изящный розовый вагончик, на дверях которого красовалась дощечка с надписью: «Наездница Мануэла».

Мишка долго смотрел на двери, за которыми она скрылась, и отошел от них только тогда, когда вспомнил, что за тарелку супа обещал клоуну почистить артистам обувь. Сапожки Мануэлы Мишка тер и чистил чуть не до дыр, напевая песенку:

«Юбочка атласная, а сапожки красные,
как пушок легка,
глазки голубые, кудри золотые,
сказочка моя!»

Вдруг он услышал за спиной чавканье. Обернулся медвежонок и видит - это обезьяна Фредди вылизывает из жестяной коробочки крем для ботинок.

V. Ночной переполох

Не захотелось Мишке на следующую ночь спать в вагончике, и он приготовил себе постель на свежем воздухе. Еще днем он наносил под вагончик сена, выпросив его у слонов, и теперь зарылся в него и постарался заснуть. Но еще долго ему не давали уснуть крики попугая, доносившиеся из большой палатки. Бедняга попугай страдал бессонницей. Всю ночь он вздыхал и разговаривал сам с собой. Старик был глуховат и орал на весь цирк.

Наконец Мишка все-таки задремал и совсем было уже заснул, как вдруг почувствовал, что кто-то наступил на него. Сон мигом слетел с Мишки.

«Кто это? Это ты, Фреди? Чего ты здесь бродишь? Да никак ты качаешься? Чем это ты размахиваешь?»

Фреди и вправду слегка пошатывался и был в очень разговорчивом настроении, хотя его трудно было понять:

«Эт-то трубка. Н-настоящий матросский чу-чубук. Я его вы-выиграл в карты у индейцев. Не умеют они играть!» С этими словами Фреди, к Мишкиному неудовольствию, опустился рядом с ним на землю. «Все они ду-ду-дураки.» Фреди набил трубку сеном, вытащил из кармана спички, зажег одну и, не закурив, бросил под вагончик. «И ди-директор тоже ду-дурак.» Вторая спичка сломалась у него в руках. «И по-по-попугай дурак.» Третья спичка зажглась, но тот-час потухла. «И Мишка дурак.»

Наконец Фреди удалось закурить трубку, но затянувшись лишь раз, он отшвырнул и трубку и спички в сторону, повалился на сено рядом с Мишкой и сразу же заснул.

Мишка снова задремал, но вдруг почувствовал, что в носу и горле у него защипало. Он раскрыл гла-

за, сел и видит: в сене под вагончиком весело пляшут красные огоньки. Дотронулся было Мишка до одного из них и тотчас отдернул лапу: огонек пребольно укусил его в ладошку. Сидит Мишка, не знает, что же теперь делать. А огоньков становилось все больше и больше . . . Один из них добрался до Фреды и тот, завопив от боли, вскочил, а когда увидел, что во всем виновата его трубка, мигом пришел в себя и, забыв о Мишке, бросился наутек.

Но Мишка уже понял, что с огоньками шутки плохи. Их становилось все больше и больше. Едкий дым щипал глаза, нос и горло, Мишка закашлялся, ему стало трудно дышать.

И вдруг он вскочил как ужаленный. Мануэла! Огоньки могут сжечь его Мануэлу! Он стал дуть на них, но от этого огоньки разгорелись еще больше. Что делать?! Может посоветует попугай? И Мишка помчался к старому мудрецу в большую палатку.

Там было темно, но так как попугай все еще разговаривал сам с собой, то Мишка его быстро нашел, и прокричал ему в слуховой рожок: «Горит!»

Попугай сначала испугался, а потом спокойно и неспеша спросил: «Парик? Какой парик? На что тебе парик?»

Мишка в отчаянии заорал изо всех сил: «Горит! Вагончик Мануэлы горит!»

В ответ на это попугай спокойно и величаво кивнул головой: «Так ты говоришь - горит. Ну, ну, не бойся! При пожаре главное - спокойствие. Когда я работал еще в пятьдесят шестом цирке . . . »

А Мишка в отчаянии снова закричал: «Но Мануэла сгорит!»

«Что ж такое директор говорит? Это хорошо, что ты прибежал ко мне за советом. Послушай, что я тебе расскажу. Случилось это, когда я руководил одним цирком в Испании. Не помню уже теперь, когда это было: в тысяча восемьсот шестидесятом или тысяча шестьсот восьмидесятом году. Тогда сгорел весь цирк, звери погибли, люди получили тяжелые ожоги. Но я не потерял хладнокровия. А это самое главное.»

Но Мишка его уже не слушал. Он протянул к нему лапки и закричал: «Так что же теперь делать, что делать?! Весь вагончик в огне!»

А мудрый попугай его поучал: «Но что ты говоришь о коне? Что общего между конем и пожаром? Вот что значит молодость и неопытность. То же самое случилось раз и со мной. Я был тогда еще только в тридцать четвертом своем цирке. И вот как-то присылает ко мне магараджа посла с просьбой посоветовать, что ему делать со священной белой обезьяной, которая перестала есть. Я и говорю - позови слона . . .»

Но Мишка уже не слушал. Он запомнил только последние слова: «Позови слона!» и опрометью бросился за слонем.

Ворвавшись за загородку, где спали слоны, он отыскал там самого большого, сильного и мудрого слона Томми, который лежал на боку и храпел так, как только может храпеть старый слон.

Мишка потряс его за плечо, но слон даже не почувствовал.

Тогда медвежонок потянул слона за ухо. Томми пошевелил хоботом, перевернулся на другой бок, чуть не придавив Мишку, и снова спокойно заснул.

Мишка знал, что самое чувствительное место у слона - это кончик хобота. Поэтому он схватил Томми за нежный кончик хобота и изо всей силы укусил его.

Теперь со слона сон как рукой сняло, он неуклюже поднялся и сердито закричал: «Ну, Фреди, дождешься ты у меня . . .!»

Мишка поспешил все объяснить: «Это я, медвежонок Мишка-Колобок! Скорей, скорей, иди за мной!»

«Ну что там такое случилось?! Пожар, что ли!»

«Ну да, пожар! Идем скорей тушить вагончик Мануэлы!»

Томми быстро вскочил на ноги. Не спрашивая больше ни о чем, он выбежал из вагона и помчался к вагончикам. Мишка едва поспевал за ним.

Когда они добежали до вагончика Мануэлы, пол вагона был уже весь в огне, начинали гореть стены и крыша, но никто даже не проснулся, так крепко все спали после трудового дня.

Слон выдавил плечом дверь вагончика, и не обращая внимания на дым и пламя, схватил хоботом спящую Мануэлу. Мануэла проснулась и закричала от страха, но слон осторожно положил ее на траву в стороне от горящего вагончика, а потом крикнул Мишке:

«А где же вода?!»

Мишка тотчас же помчался за водой к прачечной. По дороге он чуть было не наступил на Фреди, который прятался в тени вагончиков и со страхом смотрел на бушующее пламя.

«Беги скорей на помощь,» крикнул ему Мишка, и Фреди, с виноватым видом, послушно побежал за медвежонком.

«Качай!» закричал Мишка, подставив под кран сначала одно, а потом и другое ведро (к счастью они лежали недалеко от колонки в траве), и, наполнив их, поспешил к месту пожара. Там ждал его Томми, который уже поднял тревогу. Он набрал в хобот воды из ведра и сильная струя обрушилась на бушующее пламя. В это время примчался Фреди с другой парой ведер, прибежали и люди. Они быстро залили огонь, и пожар был потушен.

Тогда все бросились искать Мишку, который спас цирк от большого несчастья, но нигде не могли его найти. А он тем временем скрывался за кучей досок, возле которых Томми положил на траву Мануэлу, и тихонько выглядывал оттуда, чтобы убедиться, что красавица цела и невредима.

Остаток ночи Мануэла провела в вагончике директора, куда ее пригласила его жена. Под этот вагончик улегся и Мишка. Лежать на голой земле было жестковато, но медвежонок сладко заснул, довольный, что спас наездницу Мануэлу.

VI. Терпение и труд все перетрут

С Мишкой, старой медведицей и Василем происходило что-то непонятное. Свои обязанности в цирке они выполняли аккуратно и добросовестно, но как только кончали работу, тотчас же собирались все вместе и о чем-то шептались. Они почти ни с кем не разговаривали, только однажды ночью Мишка отправился с визитом к попугаю. Правда, беседа с глуховатым попугаем затянулась почти до рассвета, но о чем они говорили, никто не узнал, так как в это время весь цирк крепко спал.

Вскоре после этого Василь протянул между двумя вагончиками, стоящими у забора, веревку, а медведица и Мишка притащили откуда-то простыню и укрепили ее на веревке как занавеску. В этот уголок они перенесли все свои вещи и теперь каждую свободную минуту проводили за занавеской. Они впускали к себе только попугая, и тогда из-за занавески было слышно, как попугай командовал:

«Прыжок влево . . . ниже наклонись . . . повтори еще раз . . . вот так . . . не бойся . . . гопля!»

Так продолжалось целыми часами.

Однажды после такого учения Мишка приделся и отправился к вагончику наездницы Мануэлы. Поднявшись по лестничке, он страшно долго вытирал о половики свои лапки и с сильно бьющимся сердцем постучал в дверь.

Фреди заметил Мишку и стал ждать перед вагончиком, надеясь узнать, что понадобилось Мишке от Мануэлы. И вдруг он от удивления раскрыл рот. Мишка вынес из вагончика Мануэлы голубую скатерть, красный мяч, скамеечку, три бутылки, керосиновую лампу, и поднос с чашками и чайником.

Затем снова вошел в вагончик и притащил в уголок за простыней два зеленых стула. В этот же

день Мишка отправился к клоунам. Он попросил у них от имени Мануэлы трубу и гармошку. Но получив все это, Мишка отнес вещи не к Мануэле, а в уголок за простыней.

И опять все трое залезли туда, и снова послышалась команда попугая.

Фреди так и сгорал от любопытства, но когда он однажды сунул свой нос за занавеску, то получил по голове метлой от Мишки и был с позором изгнан.

Настал день, когда к директору цирка отправилась делегация, состоящая из Василя и Мишки. Возвращаясь от директора, оба так и сияли от удовольствия.

Через несколько дней цирк давал свое последнее представление в этом городе. Как всегда в таких случаях, оно было особенно торжественным. Клоуны были еще смешнее, дикие звери еще страшнее, кони послушнее, акробаты проворнее, а Мануэла была красива, как никогда.

Только Василь, медведица и Мишка ни разу не показались на арене, хотя они всегда помогали артистам во время представления.

И лишь в самом конце программы музыка грянула туш, и три наших героя торжественно выехали на арену в маленькой повозке, запряженной восьмью пони. У Василя на руке, словно сокол на охоте, сидела какая-то птица, в которой зрители сразу же узнали пышно разодетого старого попугая.

Попугай уселся на барьер, окружающий арену, остальные соскочили с повозки и раскланялись со зрителями. Служители помогли им разгрузить повозку, затем она уехала, оркестр заиграл веселый вальс и номер начался.

Как ни странно, но попугай не кричал, а только размахивал в такт дирижерской палочкой. И тут публика увидела необычное зрелище. Сначала артисты исполнили медленный вальс. Особенно отличился Мишка, но и Василя с медведицей трудно было узнать, так они были грациозны и изящны.

Потом начался сам номер. Сперва каждый из артистов жонглировал лампой, бутылками, мячом, подносом с чашками и чайником. А потом они стали перебрасывать их друг другу. Музыка играла все быстрее, и все быстрее становились движения артистов. Теперь они перебрасывались предметами с головокружительной быстротой. Это уже был не танец, а настоящая акробатика. Медведица блеснула в этом номере силой, Василь мастерством и выносливостью, а Мишка ловкостью.

На картинке вы видите, что публике было на что смотреть. Но этого было мало: когда оркестр умолк, Мишка затрубил, а Василь исполнил на гармошке бравурный марш, под который Мишка, стоя на одной передней лапе, спел сочиненную им специально к этому случаю песенку.

Восторгу зрителей не было конца. Они громко хлопали, кричали «браво!», потом бросились на арену, стали обнимать артистов, качать, так что чуть их не раздавили. Пришлось вмешаться директору. По его приказанию публику оттеснили, и он увел артистов в свой вагончик.

Остальные артисты с нетерпением ждали, чем кончится их разговор. Когда Мишка и Василь вышли от директора, на них посыпался град вопросов.

Никто Мишке не хотел верить, когда он сказал: «Договора мы не заключили. Мы никуда не поедем с вами.»

«Да наш директор сошел с ума: такой номер, а он его не хочет брать.»

«Да нет же: он нас приглашал, но мы отказались.»

«Тогда вы сошли с ума: ведь такой случай! Другого такого цирка вы не найдете. Ведь вы могли бы с нами и за границей побывать.»

Тогда Мишка ответил: «Вот этого-то мы и не хотим. Мы останемся на родине.»

«А где? Ведь больших цирков тут больше нет!»

«Мы отправляемся в Прагу. Вот там цирк - так цирк. Я собственными ушами слышал, как один человек, побывавший в Праге, рассказывал, что езда в пражских трамваях и троллейбусах - это настоящая акробатика и эквилибристика. Вот потому мы и едем туда.»

И на другой день они ушли. Весь цирк пошел их провожать до перекрестка, где дорога поворачивала к столице. Здесь Мишка спел своим товарищам на прощание песенку:

«Милый цирк покидаю, всем артистам желаю
на арене успеха большого!»

Он бросил прощальный взгляд на город и, увидев, что из окна розового вагончика кто-то машет белым платочком, запел про себя:

«Прощай, моя сказочка, прощай, синеглазочка,
мы, быть может, увидимся снова!»

И Мишка весело зашагал за медведицей и Василием.

Мишка всем на удивленье
показал свое уменье:
на канате прогуляться,
и трубить, и кувыркаться
через обруч пролететь,
на трапеции висеть,
сделать стойку и прыжок, —
все умеет Колобок!

*Знаю я, что жалко детям
расставаться с Колобком,
но его еще мы встретим,
мы о нем еще прочтем!*

